

Микулич В.

Встреча со знаменитостью

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В11

В11 **В. М.**
Встреча со знаменитостью / Микулич В. – М.: Книга по Требованию, 2022. –
36 с.

ISBN 978-5-519-96443-2

ISBN 978-5-519-96443-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Встрѣча со знаменитостью.

Въ дни моей юности, въ дни моей свѣжести я была восторженна если не черезъ край, то до краевъ. Слѣдствіемъ этой восторженности было то, что я писала стихи. Конечно, я очень стыдилась этого. Я знала, что хорошія дѣвушки не пишутъ стиховъ. И мнѣ было больно чувствовать себя нехорошей. А зачѣмъ я писала эти стихи и зама не знаю. Никому и ни на что они не были нужны. Тотанетъ къ бумагѣ, сядешь и напишешь, и стараешься, ищешь, перебираешь, переворачиваешь слова, потомъ пооднуешься и еще разъ перепишешь, и еще, и еще, и — прядешь. Сестра или подруга спросить: „А ты что-то записала?“ Вытащишь и покажешь; похвалятъ, — почувствуешь удовлетвореніе, не похвалятъ, — снова начнешь ередѣлывать, — „не готово, молъ, еще“, — и передѣлываешь, ередѣлываешь, пока не выйдетъ, наконецъ, если не хо-ошо, то хоть гладко. Но какъ только кончишь, сейчасъ пять тошно и стыдно становится. И опять думается: „Зачѣмъ я это дѣлаю?“ Если мнѣ говорили: „У васъ есть литературное дарованіе“, мнѣ становилось грустно и страшно. А если мнѣ говорили: „Вы еще будете писать?“ я всегда думала: „Ну, ужъ нѣтъ; помилуетъ Богъ!“ Я была искренно убѣждена въ томъ, что пишутъ только очень гадкія или очень несчастныя женщины, а въ то время, конечно, такъ

не хотѣлось быть ни тѣмъ, ни другимъ. Я успокаивала себя тѣмъ, что можно писать письма; это не зазорно, да и письма женщины могутъ даже быть интересны; но этого и довольно; остальное — не женское дѣло. Во-первыхъ — трудно. (Мнѣ, по крайней мѣрѣ, литературный трудъ всегда представлялся каторжнымъ.) Во-вторыхъ — стыдно. Вѣдь при нѣкоторомъ успѣхѣ трудъ этотъ все же немножко выдвигаетъ изъ толпы, поднимаетъ на ступеньку и дѣлаетъ автора виднымъ толпѣ. Ну, и что жъ?.. Ну, и увидятъ всѣ, какъ тебѣ стыдно и грустно. Что хорошаго?.. Не дай Богъ!.. Всѣ эти Сафо, Коринны и ихъ злополучныя преемницы не исключая лучшихъ изъ нихъ, симпатичной и любимой мною Джоржъ Эллиотъ съ ея запоздавшимъ счастьемъ, ни умной, талантливой Жоржъ Зандъ съ ея неудавшейся жизнью и ужасной смѣной чуждыхъ ей любовниковъ), — всѣ онѣ внушали мнѣ чувство глубокой жалости, къ которому примѣшивалось нѣчто въ родѣ ужаса. Я прекрасно помнила всѣ рѣзкія истины, высказанныя Бѣлинскимъ по поводу пишущихъ женщинъ, помнила также, что говорилъ о нихъ Гёте, помнила, что мужъ поэтессы Акерманъ не позволялъ ей печатать стихотвореній, находя, что женщинѣ такъ же непристойно обнажать передъ всѣми свою душу, свои мысли и чувства, какъ и надѣвать открытое платье. Впрочемъ, все, что я читала и помнила, было слабо и блѣдно по сравненію съ тѣмъ, что я сама думала о пишущихъ женщинахъ.

Естественная жизнь женщины съ ея любовью къ мужу и дѣтямъ, съ мирными домашними заботами, съ чистенькой кухней, свѣтлой дѣтской и уютной гостиной казалась мнѣ такой милой и полной поэзіи, и по сравненію съ этой мирной домашней работой всякій мужской трудъ казался такимъ грубымъ, сухимъ и прозаическимъ! Чернила, типографская краска — какая это грязь, въ самомъ дѣлѣ, въ сравненіи съ пеленками, съ дѣтскими кроватками и ван-

ночками, отъ которыхъ вѣтъ такой чистотой и свѣжестію!.. Я допускала, конечно, что можно чувствовать нѣкоторую склонность къ литературѣ (я и сама ее чувствовала),— но вѣдь отъ этого еще такъ далеко до того, чтобы писать! Положимъ, нужда, крайность могутъ до всего довести человека; но Богъ милостивъ! Я надѣялась, что писать я не буду, а стихи, конечно, пройдутъ вмѣстѣ съ прочимъ вздоромъ юности. Вотъ, если бъ у меня былъ сынъ-писатель, это — другое дѣло! Тогда, конечно, не пропала бы даромъ моя любовь къ литературѣ.

А я благоговѣла передъ „русской литературой“, передъ этимъ „храмомъ истины, священнымъ храмомъ слова“, въ которомъ я не слышала, подобно бѣдному Надсону „оргіи крикливыхъ торгашей“. (Думаю, впрочемъ, что если бъ я и прослышала „оргію“, то сказала бы себѣ, что торгаши — народъ живучій, какъ сама природа. Гони ихъ плетью въ дверь, они войдутъ въ окно, вернутся съ назойливостью комаровъ и мухъ, куда бы и какъ бы ихъ ни прогнали. Но торгаши вѣдь сами по себѣ. Ихъ всегда можно выгнать; литература же, во всякомъ случаѣ, всегда останется домомъ молитвы, а не вертепомъ разбойниковъ.) Я знала, что такіе люди, такіе таланты, какъ Левъ Толстой (любимѣйшій изъ всѣхъ), какъ Достоевскій, Гончаровъ и Тургеневъ, живутъ еще и пишутъ, и ходятъ по землѣ; но представить себѣ, чтобы я могла встрѣтить одного изъ нихъ, не будучи пораженной громомъ или поглощенной землею, я никакъ не могла и считала подобную встрѣчу столько же невозможной, какъ и встрѣчу съ одной изъ дорогихъ тѣней: Пушкина, Гоголя, Бѣлинскаго...

Весной 1879 г. я читала „Братьевъ Карамазовыхъ“, говѣла и ходила каждый день въ церковь Космы и Демьяна. Въ эту же церковь ходила моя знакомая, баронесса В., или Вѣрочка, какъ всѣ ее звали. Вѣрочка жила на Знаменской, я на Кирочной, и, выходя изъ церкви, мы

обыкновенно провожали одна другую въ ту или другую сторону. Въ одну изъ этихъ прогулокъ Вѣрочка стала рассказывать мнѣ, что у своихъ хорошихъ знакомыхъ она встрѣчаетъ многихъ литераторовъ и въ томъ числѣ Достоевскаго. Я позавидовала ей. А на слѣдующій день, молясь въ церкви, я помолилась о томъ, чтобъ и мнѣ увидѣть какъ-нибудь Достоевскаго раньше, чѣмъ онъ умретъ. Помолившись, я взглянула на Вѣрочку. Она смотрѣла на меня и улыбнулась мнѣ. Когда мы вышли изъ церкви, я сказала ей: „Знаете, о чемъ я помолилась?“— Она перебила меня: „А вы знаете, что мнѣ пришло въ голову?“— „Ну, что?..“— „Хотите познакомиться съ Ш.? Они очень милые люди и вамъ, навѣрное, понравятся. Если хотите, я сегодня же зайду къ Еленѣ Андреевнѣ и попрошу позволенія привезти васъ въ субботу. Хотите?“— „Вотъ объ этомъ-то я помолилась“.

Позволеніе было дано, и въ первую же субботу я отправилась вмѣстѣ съ хорошенькой Вѣрочкой и ея матерью къ новымъ знакомымъ. Ш. мнѣ, дѣйствительно, очень понравились, особенно старшая дочь хозяйки Елена Андреевна, пожилая, болѣзненная дѣвушка, на костыляхъ и съ больными ногами, умная, добрая и привѣтливая. Поговоривъ со мной объ общихъ знакомыхъ и объ общихъ литературныхъ симпатіяхъ, Елена Андреевна сказала мнѣ съ соболѣзнованіемъ: „А Достоевскій-то, кажется, сегодня и не будетъ. Говорятъ, у него вчера припадокъ былъ“. Но я такъ волновалась съ утра, что была увѣрена въ томъ, что увижу его, и сказала: „Можетъ-быть, еще придетъ“. Она покачала головой: „Врядъ ли?.. Ну, сегодня вы хоть другихъ посмотрите“.

Въ гостиной сидѣли уже Майковъ и Полонскій съ женами, Аверкіевы, Загуляевы, Страховъ, Бергъ, К. К. Случевскій, дамы и дѣвицы.

Въ центрѣ дамской группы сидѣла очень красивая, моло-

дая женщина, элегантно одѣтая и причесанная, и работала, то-есть граціозно поворачивала въ бѣлыхъ рукахъ какую-то изящную работу. Я спросила: „Кто это?“ Мнѣ сказали, что это пріятельница Елены Андреевны, Марья Николаевна Б., очень одаренная личность; она прелестно рисуетъ, пишетъ, декламируетъ, играетъ на сценѣ, при этомъ хороша, какъ ангелъ, и несчастлива въ семейной жизни. Показали мнѣ и жену Полонскаго, тоже молодую и красивую и извѣстную своимъ талантомъ скульптора. Самого Полонскаго я сейчасъ же узнала по портретамъ. Слыша, что онъ на ты съ Еленой Андреевной, я спросила ее: „Яковъ Петровичъ вамъ родственникъ?“ Она улыбнулась и сказала: „Нѣтъ, мы съ нимъ только друзья, но такіе большіе друзья, что сами выдумали себѣ родство. Я зову его дядей, а онъ меня—теткой; но онъ мнѣ столько же дядя, сколько я ему тетка“...

Старушка-хозяйка, ласковая и любезная, хотя уже немножко глухая, гостепріимно улыбалась на всѣ стороны и, сидя подлѣ лампы, вязала крючкомъ одѣяло изъ пестрой шерсти. Въ раскрытыя двери сосѣдней комнаты виднѣлись карточные столы. Разговоръ въ гостиной сдѣлался общимъ, когда рѣчь зашла о бывшей въ то время выставкѣ картинъ. Всѣ наперерывъ спѣшили высказать свои впечатлѣнія; мнѣнія расходились, голоса возвышались. Въ передней кто-то позвонилъ, и я почувствовала, что это Достоевскій. Мы переглянулись съ Еленой Андреевной. Она выжидательно и вопросительно посмотрѣла на дверь, а я почувствовала, что холодѣю. И вошли Достоевскіе.

Гдѣ-то я читала, что къ Ламартину привели разъ молодого, начинающаго писателя и спросили, какъ онъ нашелъ его. Ламартинь сказалъ съ сожалѣніемъ: „Il n'a pas été assez ému en me voyant“...

Если бъ все дѣло было только въ степени волненія, à la vue d'un maître, думаю, что Ламартинь остался бы

мною доволенъ, такъ какъ у меня зубъ на зубъ не падалъ.

Сквозь туманъ и лихорадку я увидала хорошо знакомое по фотографіямъ, некрасивое, болѣзненно-блѣдное лицо съ русой бородой, съ умнымъ сморщеннымъ лбомъ и пронзательными глазами. Съ Достоевскимъ вошла и жена его, Анна Григорьевна, въ сѣромъ платьѣ и красномъ чепчикѣ. Они поздоровались съ гостями и хозяевами и сѣли, отвѣчая на вопросы о здоровьѣ Ѳедора Михайловича. Елена Андреевна шепнула мнѣ: „Познакомить васъ?“ Я съ ужасомъ отвѣчала: „Что вы, что вы? Мнѣ совершенно довольно и посмотрѣть на него!..“

Споръ о выставкѣ возобновился, но уже безъ прежняго оживленія. Мнѣ показалось, что Достоевскій внесъ нѣкоторое стѣсненіе. Его точно сторонились и побаивались. Самъ онъ говорилъ мало, но выраженіе его подвижнаго нервнаго лица ясно говорило, что онъ думаетъ о каждой сказанной фразѣ. Одного изъ присутствующихъ поэтовъ стали просить прочесть его стихотворенія; тотъ отнѣкивался, говоря: „Ѳедоръ Михайловичъ не любитъ стиховъ“. Достоевскій сказалъ: „Хорошіе люблю“. Тогда Елена Андреевна начала декламировать новое стихотвореніе другого поэта. Она читала не громко, не для всѣхъ, а только для близко сидѣвшихъ. Достоевскій слушалъ внимательно, то одобряя, то усмѣхаясь или покачивая головой. Въ стихотвореніи поэтъ, говоря о заходящемъ солнцѣ, называлъ его: „Пылающій мертвецъ“... Достоевскій пожалъ плечами: „Отчего мертвецъ?.. Ну, пылающій, пускай пылающій, но зачѣмъ мертвецъ?“ Потомъ онъ придрался еще къ одному выраженію и сказалъ: „Такъ не говорятъ“. Елена Андреевна заступилась за поэта: „Ну, въ стихахъ можно. Вѣдь это стихи!..“ Онъ сказалъ: „Тѣмъ болѣе. Въ стихахъ языкъ долженъ быть еще чище“...

Недалеко отъ меня съ другой стороны, сидѣла Анна

Григорьевна Достоевская и рассказывала что-то о своих дѣтяхъ, о томъ, какъ они играютъ ея ключами, прячутъ ея ключи. Мнѣ странно было слышать, что у Достоевскаго есть жена, семья, дѣти... Можетъ-быть, у него есть столовая, гостиная... Какъ странно!

Вечеръ пролетѣлъ скоро и незамѣтно.

Не было никакихъ особенно интересныхъ литературныхъ споровъ, ни разговоровъ; Достоевскій говорилъ мало и казался усталымъ и не совсѣмъ здоровымъ. Но я была все же въ восхищеніи отъ этого вечера и, воротясь домой, радостно записала въ тетрадь:

„Сегодня я видѣла Достоевскаго!..“

Цѣлую зиму я ходила къ Ш. на ихъ субботы, очень любила Елену Андреевну и часто видѣла у нихъ Достоевскаго. Пока его не было, я тоже не выходила въ гостиную и сидѣла гдѣ-нибудь въ заднихъ комнатахъ, гдѣ играла съ маленькимъ Алешей, внукомъ хозяйки.

Алеша зналъ о моемъ пристрастіи къ Достоевскому и отъ времени до времени убѣгалъ къ дверямъ гостиной, и, спрятавшись за красной портьерой, высматривалъ гостей. Потомъ онъ возвращался ко мнѣ и говорилъ: „Нѣтъ его; нѣтъ-съ; извольте здѣсь оставаться“, или кричалъ: „Пришелъ, пришелъ, пришелъ!..“

Тогда и я выходила въ гостиную и, усѣвшись гдѣ-нибудь въ уголокѣ, неподалеку отъ Достоевскаго, цѣлый вечеръ смотрѣла на него и слушала его. Не помню, чтобы онъ вѣлъ споры, хотя многіе изъ гостей Ш. не соглашались съ нимъ и думали совсѣмъ иначе, чѣмъ онъ. Если ему не нравилось какое-нибудь высказанное мнѣніе, онъ прямо и довольно рѣзко заявлялъ объ этомъ, но что-то не помню, чтобы ему возражали. И когда онъ говорилъ у Ш., онъ говорилъ большей частью одинъ или со слабыми репликами и вопросами со стороны дамъ. Говорилъ онъ очень хорошо, краснорѣчиво и убѣжденно. Онъ громилъ кате-~~го~~

чество и папство, громилъ гнилой западъ съ его культурой и жизнью, въ которой все подкопано, расшатано и не сегодня завтра рухнетъ и исчезнетъ, а на смѣну этой жизни явится нѣчто новое, еще небывалое и неслыханное, ни на что прежнее непохожее. Онъ говорилъ о томъ, что „нищей землѣ нашей суждено, можетъ-быть, сказать новое слово міру“. Онъ горячо вѣрилъ въ высокую миссію русскаго народа, въ силу народа (которую онъ видѣлъ въ его терпѣннѣи и выносливости), въ будущность русскаго народа и постоянно и охотно возвращался къ этому.

„Назначеніе русскаго человѣка всеевропейское и всемірное. Идеаль его — всемірное счастье. Геній русскаго народа наиболѣе способенъ изъ всѣхъ народовъ вмѣстить въ себѣ идею всечеловѣческаго единенія, братской любви, трезваго взгляда, прощающаго враждебное, различающаго и извиняющаго несходное, снимающаго противорѣчія“...

Достоевскій утверждалъ, что русское интеллигентное общество можетъ излѣчиться, обновиться, воскреснуть, только присоединившись къ правдѣ народной, увѣровать въ духъ народный. Оно можетъ ждать спасенія только отъ народа, потому что въ народѣ есть праведники. Среди своихъ безконечныхъ страданій русскій народъ принялъ Христа въ свою душу навѣки, и Христосъ спасъ его душу отъ отчаянія. А разъ народъ нашъ принялъ суть ученія Христа, то съ ней принялъ и истинное просвѣщеніе. Одно дѣло — просвѣщеніе, другое дѣло — наука. Спасеніе не въ наукѣ, а въ просвѣщеніи. И христіанство нашего народа должно оставаться навсегда самой главной и жизненной основой его просвѣщенія и т. д.

Я слушала эти вдохновенныя пророчества, я смотрѣла на этого блѣднолицаго старика и думала: „Онъ жилъ съ ворами, убійцами и каторжниками, погрузился въ самыя мутныя волны народной жизни и вынесъ оттуда такую несокрушимую, такую заразительную вѣру въ силы народа,

ь личность русскаго духа и законность его бытія... Кто онъ? Мечтатель, ясновидящій или только умный, проникающій человѣкъ, тяжелымъ опытомъ обрѣтшій любимыя идеи? Я знала, что далеко не всѣ думаютъ, какъ онъ. Я знала, что Салтыковъ, признавая въ немъ первостепенный талантъ, жалѣеть о томъ, что талантъ этотъ отдаетъ себя на служеніе самымъ „уродливымъ тенденціямъ“, на восхваленіе ихъ... Кто же изъ нихъ правъ?.. И „гдѣ погибель, гдѣ спасеніе?.. Кто ближе къ истинѣ? Гдѣ она?..“

Я поглядывала на Елену Андреевну, на Полонскаго, на Страхова. Все это были единомышленники, конечно, каждый немножко на свой образецъ, но все же единомышленники. Всѣ трое—православные, патріоты, честные, благонамѣренные, твердые въ своихъ убѣжденіяхъ. Достоевскій тоже считался ихъ единомышленникомъ, но мнѣ какъ-то не вѣрилось, что это такъ. Невольно я переводила взглядъ съ безмятежной, невинной фізіономіи Страхова на судорожно-возбужденное, замученное лицо Достоевскаго съ горящими глазами и думала: „Какіе они единомышленники?..“ Тѣ любятъ то, что есть; онъ любитъ то, что должно быть. Тѣ держатся за то, что есть и было; онъ распинается за то, что придетъ или, по крайней мѣрѣ, должно притти. А если онъ такъ ждетъ, такъ жаждетъ того, что должно притти, стало-быть онъ не такъ-то уже доволенъ тѣмъ, что есть?..“

И я снова ловила звуки его тихаго нервнаго голоса и снова слышала о Христѣ и о христіанствѣ, о церкви. Каколичество выродилось въ идолопоклонство, протестантизмъ вырождается въ атеизмъ. Гдѣ же истина, гдѣ спасеніе?.. У насъ, конечно. И опять все сводилось къ тому, что „нищая земля наша скажетъ въ концѣ концовъ міру новое слово“...

Воротясь домой, я записывала то, что слышала, и много думала о Достоевскомъ и о томъ, что онъ говорилъ. Я

перечитывала его сочиненія, чтобы лучше понять его. Я искала, въ чемъ же будетъ заключаться это *новое слово*, которое земля наша повѣдаетъ міру? Въ братскомъ единеніи?.. Въ достиженіи всемірнаго счастья?.. Я открывала наудачу Карамазовыхъ и читала: „Онъ (старецъ Зосима) святъ въ его сердцѣ тайна обновленія для всѣхъ, та мощь, которая установитъ, наконецъ, правду на землѣ, и будутъ всѣ святы, и будутъ любить другъ друга, и не будетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни возвышающихся, ни униженныхъ, а будутъ всѣ, какъ дѣти Божьи, и наступитъ настоящее Царство Христово. Вотъ о чемъ грезилось сердцу Алеши“...

Можетъ-быть, эти грезы сердца и подскажутъ новое слово? *Правда на землю и Царство Божіе*. Но когда же это придетъ?.. И придетъ ли? И проникаясь горячей вѣрой Достоевскаго, подъ живымъ впечатлѣніемъ его рѣчей, я тоже думала: „Придетъ, придетъ и скоро придетъ. Оно при дверяхъ, оно близко“...

Рѣдкую субботу у Ш. не было чтенія. Авторы читали свои произведенія. Блестящая Марья Николаевна декламировала стихи. Надо признаться, что не всегда эти чтенія бывали одинаково интересны. Бывало и такъ, что слушатели чуть не сворачивали себѣ, зѣвая, челюсти. Литература разнообразна. Но бывали и очень удачные вечера. Марья Николаевна вмѣстѣ съ С. В. Аверкіевой, которая тоже прекрасно читала и даже, кажется, была одно время на сценѣ, затѣяли поставить спектакль. Пробовали „Русалку“. Остановились на „Каменномъ Гостѣ“.

Въ вечеръ спектакля Достоевскій привезъ вдову гр. Алексѣя Толстого и ея племянницу Хитрово. Дамы эти заняли мѣста въ первомъ ряду съ хозяйкой и другими почетными гостями, а Достоевскій сѣлъ въ послѣднихъ рядахъ съ Еленой Андреевной. Мы же, дѣвицы и его поклонницы, помѣстились въ слѣдующемъ за ними ряду, чтобы быть поближе къ Достоевскому. Когда публика размѣстилась, позвонилъ